

Игорь Озёрский

Дети пустыни

Говорят, у мира не существует края; может, это и вправду так. И чем дальше я бегу, тем больше убеждаюсь в этом. Здесь, в пустыне, возникает ощущение, будто ей никогда не будет конца. И пока мы верим в это, всё так и есть. Однажды меня сравнили с чёрной дырой, а потом я узнал, что чёрные дыры—это мёртвые звёзды, одна из которых—центр нашей Галактики. Выходит, что в эпицентре всего находится смерть, а миры вращаются вокруг неё, как и сейчас пустыня вращается вокруг меня.

Я слышал предположение, что Вселенная многомерна, и когда человек умирает, реальность раздваивается: возникает одна, где человека больше нет, и другая, в которой он продолжает жить. Сейчас, когда нахожусь среди изъеденных беспощадным солнцем песков, мне кажется, что такое когда-то произошло и со мной. В одну из забытых ночей я умер, будучи ещё ребёнком. Помню, что перед сном жевал жвачку и забыл вытащить её изо рта. Сложно сказать, что стало причиной смерти: может, жвачка попала в дыхательные пути, или случилось что-то ещё. Только помню, как утром болел живот и как сильно из-за этого злилась мать.

Мать... обычно я не использую такое слово. От него веет холодом. Но именно холод в то время окружал меня. Следовало ещё тогда заметить, что после той ночи события развивались довольно странно. Слово подлинной реальностью была та, где меня не стало, а эта оказалась жалкой на неё пародией.

Откровения приходят внезапно, и чаще всего это случается, когда мы остаёмся наедине с собой. Выходит, что там—в подлинном мире—я давно мёртв. Глубоко в земле лежит тело мальчика, и совершенно не важно, какое слово ему по душе больше: «мать» или «мама». Ведь ни то, ни другое произнести он уже не сможет никогда. И, вероятно, если бы мама знала, что случилось той ночью, скорее всего, она бы так не злилась.

От размышлений меня отвлекает блик. Это значит—впереди вода. Подбегаю ближе и уверяюсь, что это действительно так; ведь в пустыне увидеть можно многое, но, к сожалению, сложно сказать, что из этого существует на самом деле, а что нет. Пятилитровая пластиковая бутылка с надписью «Оазис», покрытая пылью, стоит у дороги

и напоминает морской буёк, плавающий в песчаных волнах.

Сверяюсь с часами и понимаю, что со старта марафона прошло уже больше десяти часов, а позади пролегал восемьдесят километров пустынных барханов. Но до конца остаётся куда больше.

Много пить нельзя, хотя очень хочется. Стенки пищевода будто ссохлись и слиплись. Наполняю флягу водой и делаю несколько небольших глотков. Желудок скручивается в спазме, совсем как тогда, в детстве. В этот момент в памяти всплывает один рассказ. Это странно, ведь с тех пор, как я однажды прочёл его на уроке литературы, больше не вспоминал о нём.

Повествование было о мальчике, который не хотел есть мерзкую, на его взгляд, кашу, и отец пристыдил сына историей про голодные времена войны. Рассказ мне не понравился и оставил дурное послевкусие. Почему люди прививают детям чувство стыда за события, отношения к которым те совсем не имеют? Нельзя возлагать на детей ответственность за пороки прошлого, ведь всякая ответственность находится исключительно в руках взрослых. И если ребёнок не хочет есть невкусную кашу, то дело не в том, что плох ребёнок. Всё с точностью до наоборот: плох тот родитель, что не обеспечил ребёнку иного. Дети не приходят в мир по собственной воле. Они как джинны из волшебных ламп, найденных в песках пустыни. И родители хотят, чтобы дети исполняли их желания, но только откуда берётся у взрослых такое право? Жизнь—это выбор родителей, не детей. Некоторые предпочли бы не рождаться вовсе.

Ставлю баклажку с водой на место и продолжаю бежать. Солнце в зените, и вся вода, что я выпил, мгновенно выходит через поры, укутывая тело тонкой пеленой прохлады.

Перед стартом некто меня спросил: —Зачем вы бежите? Куда-то или от чего-то? Или, быть может, к кому-то или от кого-то?

Думаю, преподаватель русского языка ответил бы, что нельзя так злоупотреблять наречиями. Возможно, он прав, а возможно, и нет. Вероятно, есть смысл ставить под сомнение любое утверждение, даже аксиомы, что якобы не требуют доказательств. Ведь только в таком случае рождаются

смыслы. При этом нас заставляют думать, что многие смыслы уже определены, хотя никто не может с абсолютной уверенностью утверждать, что это именно так. Эйнштейн как-то сказал: *«Каждый с детства знает, что то-то и то-то невозможно, но всегда найдётся невежда, который этого не знает. Он-то и делает открытие»*. Я не совершал открытий, но знаю наверняка: Эйнштейн тоже любил наречия.

Солнце стремится к закату, и мышцы на ногах сводит судорогой. Жалкие остатки влаги полностью покинули поры, сделав кожу шершавой и грубой. Но пустыня безжалостна не только к людям. Справа и слева из песка торчат обглоданные жарой кустарники. Среди сухих ветвей я замечаю движение. Будто по ту сторону, в тени скелетов когда-то пылающих густой листвой растений, бежит зверь. И если это пума, значит, совсем скоро реальность для меня удвоится вновь.

Какой бы зверь ни таился за сухими ветвями, безобидным он быть не может. Суровые земли порождают опасных хищников. Кактусы отпускают шипы, хвосты скорпионов наполняются ядом, а смертоносные пауки роют в песке ловушки.

Все они — голодные дети пустыни. Именно о них писал Ницше: *«Всё, что нас не убивает, делает нас сильнее»*. Дети пустыни познали это на себе сполна. Но теперь и я один из них. И пусть у меня нет хвоста с острым смертоносным жалом, а кожу не защищают твёрдые шипы, я обладаю большим — тем, что находится глубоко внутри. Душа, скажете вы... Может быть. Только мною она ощущается иначе — пустота. И я заполняю её движением. Для этого не нужны ни яд, ни шипы, ни когти. Стремясь заполнить самих себя, люди способны на очень многое, а счастье... Счастье эфемерно и довольно короточечно, подобно пузырькам в бокале просекко.

Кусты становятся реже, и сквозь них я вижу волкособа и то, как ярко сверкают его глаза в лучах закатного солнца, а большие ноздри втягивают сухой воздух.

Волкособ. Опаснее этого зверя в пустыне нет никого. Другие животные обычно сторонятся людей, волкособ же подходит к человеку как собака, но кидается на него как волк. Гигантские клыки способны разорвать кожу и распотрошить плоть за считанные мгновения.

Но волкособ не спешит приближаться ко мне. Бежит на небольшом расстоянии с точно такой же скоростью, с какой бегу я, и даже на меня не смотрит. Взгляд волкособа уверенно устремлён вперёд, словно зверь абсолютно точно знает, куда ему нужно попасть.

Хотел бы и я обладать подобным знанием.

Порыв ветра доносит до меня резкий сладковатый запах разгорячённой шерсти. Поворачиваю голову и всматриваюсь в волкособа. Он очень

похож на пса, что когда-то жил в доме моей бабушки. Когда я оставался у неё на ночь и ложился спать, пёс ставил тяжёлые лапы на край кровати и очень глубоко дышал, отчего матрац ходил туда-сюда. Огромный пёс укачивал меня, пока я засыпал. К сожалению, того пса давно не стало, и мне грустно оттого, что я оказался в той реальности, где его нет.

Солнце медленно опускается, и теперь невозможно различить линию горизонта: небо окрашивается в шершаво-песочный цвет и сливается с плавными изгибами барханов. Температура воздуха быстро падает.

Позади больше сотни километров, а волкособ продолжает сопровождать меня. В его компании чувствую себя иначе. Словно зверь одним своим присутствием заполняет пустоту внутри меня. Или же он сам носитель подобного — одинокий ребёнок пустыни, блуждающий среди песков.

Уже темнеет, и пора сделать привал. И хоть каждая частичка тела умоляет меня об отдыхе, останавливаться совсем нет желания. Обдумывая парадокс, начинаю понимать, в чём дело. Если остановлюсь, а волкособ побежит дальше, вновь окажусь один.

Одиночество. Вот от чего так сильно хочется бежать. И как же я не понял этого раньше? Вероятно, у нас не всегда получается в точности осознать причину собственных действий. Просто совершаем их, интуитивно ощущая в них потребность.

Но, как бы я ни хотел бежать, силы покидают тело. Перехожу на шаг, и, на радость мне, волкособ тоже сбавляет скорость. Останавливаюсь, и зверь останавливается вместе со мной. Солнце уже скрылось, перемешав меж собой небо и землю, отчего вся палитра пространства заполнилась чёрным.

Пока я укладываюсь в рюкзак тёмные очки и шапку и пытаюсь отыскать налобный фонарь, барханы затягивают свою гулкую ночную песню. Воздух наполняется жужжанием тысяч невидимых духовых инструментов. Волкособ склоняет голову набок, будто бы критик, оценивающий талант художника.

Сидя на всё ещё горячем песке, я наблюдаю звёзды: они, одна за другой, вспыхивают в черноте неба. В такие моменты сильнее всего ощущаю непривычную для левой руки тяжесть кольца. По привычке пытаюсь нащупать кольцо на безымянном пальце правой руки, но вспоминаю, что его там нет. Песня барханов становится громче, и среди заунывных звуков мне слышится такой родной звонкий смех. Кажется, вот-вот в ночи промелькнёт тень шелковистых чёрных волос и засверкают, как звёзды, наполненные светом и жизнью большие глаза. Но мираж исчезает, как только на небе показывается луна. В её тусклом свете ловлю на себе пристальный взгляд волкособа. Его обесцвеченные темнотой глаза наполняют

печаль, словно зверь способен читать мои мысли. Хотя откуда нам знать, о чём думают волкособы? Но сейчас мы оба, в глубине пустыни, окутанные густым сумраком ночи и согреваемые лишь холодным светом луны и тревожной музыкой барханов, сливаемся в единое целое. Во мне пустота зверя, а в звере пустота меня.

«Ты—это я»,— сказала она мне как-то. Но тогда было сложно в полной мере понять значение этих слов. Теперь же всё ясно: любить человека, как любишь себя самого. И когда её не стало, не стало и меня. Только вот очередной парадокс: меня не стало, но я всё ещё здесь.

Встаю и продолжаю бежать. И хоть мой организм всё ещё обессилен, истощение идёт на пользу, ведь, как известно, чем сильнее страдает тело, тем меньше боли испытывает душа. Закон равновесия, чёрт бы его побрал. Так всякие смыслы обретают форму; так обручальное кольцо может быть на пальце только одной руки.

Позади осталось больше двухсот километров, но волкособ не отстаёт ни на шаг. Совсем скоро первые солнечные лучи избавят пустыню от гнетущих чёрных оков, только я не хочу, чтобы ночь уходила. И не только из-за предстоящей жары, но и потому, что в песне барханов всё ещё слышу звуки, такие близкие моей душе.

А когда солнце взойдёт, её смех прервётся.

Как прерывается, рано или поздно, абсолютно всё.

Вдруг песня пустыни неожиданно замолкает. Ночная музыка отчего-то прекращается прежде, чем восходит солнце. В это мгновение пространство пронзает утробный прерывистый вой, напоминающий крик диких кошек. Но я догадываюсь, что принадлежит он кому-то другому, и вижу, как на загривке волкособа дыбом поднимается шерсть.

Волкособ сбавляет скорость, а в его груди зарождается рык. Неужели они так близко? Прослеживаю за взглядом зверя и замечаю четыре горбатых силуэта, огибающих ближайший бархан: клочья шерсти на толстых шеях, обрубленные тупые морды и грузные тела на длинных нелепых ногах.

Гиены бегут как-то странно, будто бы боком. Но как бы они ни бежали—направляются прямо ко мне. И спастись от них невозможно. Можно вызвать помощь по радию, только какой в этом смысл? Когда придут рейнджеры, трапеца гиен подойдёт к концу.

Волкособ встаёт передо мной и грозно расставляет лапы. Теперь только он отделяет меня от четырёх страшных хищников, что пришли полакомиться человеческим мясом.

Четыре. В китайской культуре это число означает смерть.

Гиены жадно смеются, и их усеянные зубами пасти наполняются густой слюной. Они обходят волкособа с разных сторон, но зверь продолжает

защищать меня. Он оголяет огромные белые клыки, а бурлящий дикий рык приглушает истеричный вой гиен.

Одна гиена срывается с места и пытается ухватить волкособа за лапу. Он уворачивается и наносит ответный удар. Белые клыки вспарывают чёрную морду зверя, и песок окропляется первыми каплями крови.

Остальные гиены разом кидаются в атаку. Пространство и время, звуки и запахи—всё, что можно слышать, созерцать и чувствовать, мгновенно смешивается в единую тягучую массу. Ударом лапы волкособ отбрасывает одну из гиен, в то время как другая пытается подлезть под него, чтобы вцепиться в не защищённое шерстью брюхо. Подбегаю и ударяю её ногой. Мгновение—и массивные челюсти зверя смыкаются на моём запястье. Ощущение, будто руку сжимают стальные тиски. Гиена начинает крутить головой, чтобы выдернуть из суставов кости, но волкособ хватает её за ухо и делает рывок. Раздаётся хруст и сдавленный стон. Хватка ослабевает, гиена выпускает из пасти окровавленную кисть и медленно опускается на песок.

Численность хищников по-прежнему превышает нашу. Одна из гиен успевает прокусить волкособу лапу. Вторая вновь кидается под него и метит зубами в брюхо. Успеваю толкнуть её в бок, отчего зубы хищника хватают лишь воздух. Я защищаю волкособа, в то время как волкособ спасает меня.

Ещё одна гиена падает замертво, но это стоило нам с волкособом одной его лапы и моей ноги. Теперь силы равны. Я использую всё, что есть в рюкзаке, да и сам рюкзак, для атаки. Отвлекаю животных свистком и стараюсь бить в нос и глаза.

Одна из гиен сбивает меня с ног и придавливает к земле. Кажется, что весит она целую тонну. Пытается вцепиться в шею, но я подставляю руку. Лучевая кость ломается под нажимом её челюстей. Гиена начинает трясти головой, ещё немного—и я потеряю сознание. Нащупываю свободной рукой свисток и всаживаю гиене в глаз. Полный злости и боли вой пронзает утренний воздух пустыни. Гиена убегает туда, откуда пришла, за ней, хромая, устремляется вторая. На сплошь залитом кровью песке остались лежать два обездвиженных смертью тела.

Ноги меня не держат, и я продолжаю сидеть. Адреналин вежливо уступает место боли. Достая флягу и выпиваю немного воды. Мне всегда думалось, что вода—антоним смерти. Ведь именно она источник всей жизни на земле. Но вода тоже отнимает жизни. И теперь, находясь здесь, в пустыне, понимаю, что жизнь и смерть, в сущности, одно и то же. Две сестры, что держатся за руки слишком крепко, и разлучить их не дано никому.

Вновь вспоминаю жвачку и ту роковую ночь. Теперь погибшему мальчику не так одиноко, ведь с ним моя жена и огромный пёс, что сторожит

их сон. В сущности, мы просто поменялись местами, а я... Я лишь тень, растворившаяся в миражах пустыни.

Волкособ опускается рядом, и преданно смотрит в глаза. Достаточно одного движения, чтобы коснуться рукой густой серой шерсти. Но я не спешу.

И не потому, что опасаясь его клыков. Нет... Этот зверь не причинит вреда. Просто боюсь, что, когда протяну руку, пальцы найдут лишь воздух. Ведь в пустыне увидеть можно многое, но, к сожалению, сложно сказать, что из этого существует на самом деле, а что нет.